

Адам Олеарий, †1671

Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию (фрагмент)

[17.34]

XLVII, Книга III, глава 15

О свадьбе и бракосочетании великого князя Алексея Михайловича

Когда вступил на престол великий князь Алексей Михайлович и был ещё весьма молодым государем, при нём оставался бывший его гофмейстер и воспитатель Морозов, по воле и хотению которого направлялись и великий князь и все управление. Прежде всего он привлёк на свою сторону тех, кто могли более всего служить его воле. Что же касается до родственников его царского величества, в особенности со стороны матери, бывшей великой княгини, то он их, — так как и они ведь были влиятельны, — удалил от двора, назначив воеводами и на другие почётные должности, желая, на подобие Ликогена у Барклая, «наполнить двор людьми своей партии» и получить возможность распределить важнейшие должности между друзьями, которые должны были чувствовать себя ему обязанными. Никто из вельмож не мог превзойти его в прилежном прислуживании и готовности всегда быть при молодом царе.

Чтобы отвлечь внимание государя от других вельмож, которые могли бы затруднить его докучливыми и в этом возрасте ещё несносными государственными делами, он очень часто увозил его на охоту и на другие увеселения.

Чтобы сохранить себе милостивое расположение его царского величества, он стремился вступить с ним в близкое родство. Он советовал его царскому величеству поскорее жениться и чтобы выбор его пал на лицо средней знатности, к каковым принадлежал и сам Морозов, он предложил ему в жёны дочь дворянина, на сестре которой Морозов предполагал жениться сам.

В то время жил некий дворянин, по имени Илья Данилович Милославский, имевший двух прекрасных дочерей, но не имевший мужского потомства. Этот Илья неоднократно являлся к Морозову, который тогда был при дворе, как говорится, *factotum*'ом и прилежно ухаживал за ним, так что Морозов, не только ради прекрасных дочерей, но и ради его угодливости, очень его полюбил.

Морозов однажды при удобном случае похвалил царю красоту обеих этих сестер и вызвал в молодом государе горячее желание видеть их. Обеих сестер повели наверх к господам сёстрам его царского величества, как бы только для посещения этих последних. Когда его царское величество их увидел, то почувствовал любовь к старшей из них (*Марии*).

Милославскому было сообщено о милости его царского величества и о том, что ему быть царским тестем. Милославский не усомнился тотчас же сказать «да» и поблагодарить за высокую честь. После этого ему, так как он был не особенно богат, на дом были присланы большая сумма денег и разные драгоценные вещи, чтобы он мог себя и своих принарядить. Вслед за тем устроилось и бракосочетание, состоявшееся в 1647 г., в 70 день

[девятое воскресенье] перед Пасхой, на 22 году жизни невесты. Совершилось оно без особой пышности, в тишине, чтобы ни невеста, ни жених не подверглись волшебству — как это делается и как этого обыкновенно очень боятся.

Через восемь дней после царского бракосочетания боярин Борис Иванович Морозов справил свадьбу с сестрою молодой великой княгини и стал, следовательно, свояком его царского величества.

XLVIII, Книга III, глава 16

Как после царского бракосочетания вели себя друзья великой княгини, каков был полицейской строй, **как отправлялось правосудие и что ещё при этом произошло достопамятного**

После того как Илья Данилович Милославский стал царским тестем, он стал могуществен и велик. Ему дан был рядом с жилищем его царского величества дом в Кремле, где он должен был жить вместе с женой своею; он немедленно же велел этот дом сломать и постройте от основания великолепный дворец.

Старые слуги один за другим должны были уйти, и на их места были поставлены родственники г. Милославского; так как все они успели наголотаться, то они оказались очень жадными, очень скупыми и прожорливыми.

Особенно отличался один из них, по имени Левонтий Степанович Плещеев, назначенный верховным судьей земского двора или ратуши. Он обирал простонародье и драл с него паче всякой меры; подарками нельзя было насытить его. Когда тяжущиеся стороны являлись к нему в канцелярию, он выматывал у них даже мозг из костей, так что и та и другая сторона становились нищими. Он нанимал негодяев для того, чтобы они ложно доносили на честных людей, имевших некоторые достатки, и обвиняли их; обвинения взводились то в кражах, то в убийствах и других злодеяниях. После этого бедных людей заключали в тюрьмы, обходились с ними тиранически и держали так несколько месяцев, доводя почти до отчаяния. Тем временем безбожные слуги его должны были войти в переговоры с друзьями арестованных и под секретом давать им мудрые советы, как им вновь выбраться на свободу. Через подобных воровских помощников он торговался относительно того, сколько они должны были дать ему. Сам же он не удостоивал приема никого ни из обвиненных, ни из друзей их.

В числе подобных безбожных чиновников находился и некий Петр Тихонович Траханиотов, шурин Плещеева, так как Плещеев был женат на родной сестре Тихоновича. Этот последний дошёл уже до степени окольного, что является ближайшим чином перед боярином или государственным советником. Он был назначен начальником пушкарского приказа, и имел в своем ведении стрелков из ружей, ружейных мастеров, пушкарей и всех служивших в цейхгаузе. Обходился он с ними весьма немилосердно и не выдавал им заслуженного за работу вознаграждения. В Москве принято, чтобы, по приказанию великого князя, ежемесячно все царские чиновники и ремесленники получали в срок свое жалованье; некоторым оно даже приносится на дом. Он же заставлял людей ждать целыми месяцами, и когда они, после усиленных просьб, наконец, получали половину, а то и менее еще того, они должны были выдавать расписку в получении всего жалованья.

Кроме того, были устроены разные стеснения для торговли и были заведены многие монополии; кто больше всего приносил подарков Б[орису] И[вановичу] М[орозову], тот, с милостивою грамотою, веселый возвращался домой.

Еще один [из чиновников] предложил готовить железные аршины с орлом в виде клейма. После этого каждый, кто желал пользоваться аршином, должен был покупать себе за 1 рейхсталер подобный аршин, стоивший на самом деле только 10 «копеек», шиллинг или 5 грошей. Старые же аршины, под угрозой большой пени, были воспрещены. Эта мера, проведенная во всех провинциях, доставила доход во много тысяч талеров.

Еще иной, желая выслужиться перед казною его царского величества и снискать себе расположение, предложил, чтобы во всей России с соли, стоившей первоначально за пуд (т.е. 40 фунтов) 2 «гривны» или 10 грошей, бралась еще 1 «гривна» или пять грошей пошлин. Он вычислил также, сколько тысяч подобный налог принес бы ежегодно в казну его царского величества. Однако через год пришлось вычислять, сколько тысяч было потеряно на соленой рыбе (ее в России употребляют в пищу больше мяса), которая сгнила, не будучи, из-за дороговизны соли, просолена как следует. Соли, кроме того, стало продаваться гораздо меньше, и, оставаясь в пакгаузах, она, по необходимости, превращалась в рассол [от сырости] и расплывалась.

Из-за этих больших тягот и невыносимых притеснений простой народ стал выражать недовольство. Утром и вечером у церквей происходили сборища, причём совещались, как быть с этою невзгодою. Было ясно, что наиболее близкие к его царскому величеству люди не желали слушать никаких жалоб и ещё того менее хотели отменить тяготы; поэтому все порешили, каждый раз, при выезде его царского величества или в случае шествия его в процессии от Кремля к городской церкви, выжидать удобного случая, чтобы от имени всей общины передать самому его царскому величеству некоторые просьбы. При этом собирались жаловаться на несправедливости Левонтия Степановича Плещеева и ежедневно совершавшиеся им дурные поступки и просить, чтобы он был смещен, а на его место посажен честный человек.

Однако, хотя подобные попытки и делались несколько раз, все-таки всякий раз бояре, сопровождающие, как это принято, его царское величество, отнимали у них прошения. Так как его царское величество не сам читал эти прошения, но ему лишь кое-что из оных докладывалось, то нужды угнетённого населения ему не становились, как следует, известны, и никакого по этому поводу решения и не происходило. Тем временем настроение простонародья все более и более ожесточалось, люди стали с жалобами и плачем собираться перед церквями и постановили, если ещё раз представится случай, устно передать о своих нуждах и жалобах его царскому величеству.

Тут случилось, что в 1648 году, 6 июля, справлялся обычный праздник, во время которого его царское величество со всеми боярами и вельможами отправился, по их обычаю, в расположенный в городе Сретенский монастырь. В это время бесчисленное множество простого люда собралось на большой рыночной площади и на всех улицах, по которым шла процессия. Когда после богослужения его царское величество поехал обратно, простой народ насильно прорвался к нему, схватил лошадь его царского величества за уздцы, просил о выслушании, жаловался и громко кричал о Плещееве и его несправедливостях, не переставая упрашивал сместить его и назначить на его место

честного, добросовестного человека, так как, в противном случае, народу придётся погибать.

Его царское величество, испуганный этим неожиданным обращением к нему и такими жалобными просьбами всего народа, любезно заговорил с ним, предлагая успокоиться и обещая рассмотреть дело и дать народу удовлетворение. Народ, успокоенный этим милостивым согласием, благодарил его царское величество и желал ему доброго здоровья и долгой жизни; после этого его царское величество поехал дальше. Однако некоторые из расположенных к Плещееву бояр, ехавшие следом, начали бранить народ и стали бить кнутьями по головам; иных при этом лошади сбили с ног.

Народ стал хватать, что попадало под руки, стал собирать камни, которые посыпались на насильников. Эти последние, не привычные к столь сильному граду в свои спины, бежали и поспешили к его царскому величеству в Кремль. Так как народ, гулявший здесь по двору, так же принял их, то они соскочили с лошадей и еле-еле успели подняться вверх по большой лестнице, которая ведёт в покои его царского величества, так как обозленный народ яростно теснил их. Стрельцы, которые ежедневно сторожат на лестнице, до тех пор удерживали народ, пока теснимые не успели спастись в покои великого князя. Тогда простонародье стало бешенствовать, подобно безумным, стало буйствовать, кричать и вопить, чтобы ему выдали Плещеева.

Когда тут боярин Борис Иванович Морозов вышел на верхнее крыльцо и начал, именем его царского величества, увещевать народ не требовать этой выдачи, то в ответ раздались крики: «Да ведь и тебя нам нужно!»

Чтобы спастись от лично ему угрожавшей опасности, Морозов должен был вскоре уйти. После этого чернь напала на дом Морозова, великолепный дворец, находившийся в Кремле, разбила ворота и двери; все изрубили, разбили и растащили, что здесь нашлось, а чего не могли унести с собою, попортили. Одного из главных слуг Морозова, решившегося противостать им, они выбросили из окна верхней комнаты, так что он остался лежать мёртвым на месте.

Они, правда, застали в доме жену Морозова, но не нанесли ей никакого телесного вреда, а сказали лишь: «Не будь ты сестра великой княгини, мы бы изрубили тебя на мелкие куски» Они выказали такую ярость, что не пощадили даже святых икон, обыкновенно весьма ими почитаемых, сорвали с них их украшения из жемчуга и драгоценных камней и затем выбросили на площадь.

Между прочими драгоценными вещами они разбили и карету, которая была снаружи и изнутри обита золотой парчой, с подкладкой из дорогих соболей; ободки колес и всё, что обыкновенно делается из железа, у этой кареты было сделано из толстого серебра. Как говорят, его царское величество подарил её ему в качестве свадебной кареты.

Некоторые забрались в погреб к бочкам мёду и водки, напились здесь, а чего не могли выпить, разбили, после чего они ходили выше колен в напитках. Когда огонь, зажжённый во дворе, перекинулся в погреб, эти люди сгорели вместе с зданием.

После этого грабежа чернь разделилась на несколько шаяк: одни направились к Плещееву, другие к Тихоновичу, иные к государственному канцлеру, ещё другие к иным людям, которые считались подозрительными, — даже к писцам и вообще всем, хоть сколько-нибудь бывшим в дружбе и общении с ненавистными.

Чернь разграбила их дворы, растащив и испортив всё, что попало ей под руки. Они застали великолепные предметы и большие богатства, особенно в доме Морозова. Жемчуг мерили они пригоршнями, продавая полную шапку за 30 талеров, а черно-бурую лисицу и пару прекрасных соболей за полталера. Золотую парчу они резали ножами и распределяли между собой.

Государственному канцлеру [думному дьяку] Назарию Ивановичу Чистому (который, как уже сказано, забрал торговлю солью в собственные свои руки и так высоко поднял налог на неё), за три дня до этого события, когда он собрался домой, в Кремль, повстречалась бешеная корова, которая испугала его лошадь, так что он упал и полумертвый был унесен домой. Вследствие этого падения он лежал в постели. Когда он, однако, узнал, что народ разграбил дом Морозова, и легко мог сообразить, что и его, как выдающегося притеснителя, также посетят, он выбрался из кровати и полез на чердак под банные веники (связанные из берёзовой листвы вроде метлы и сохраняемые в течение года для пользования ими в бане, как указано выше). Он велел также, чтобы его мальчик-прислужник положил поверх его несколько кусков копчёного сала. Мальчик, однако, изменил своему господину, выдал его, забрал с собою несколько сот дукатов и направился в Нижний Новгород. Рассвирепевший народ бросился в дом, вытащил Назария из-под веников, потащил его за ноги вниз по лестнице на двор, исколотил его палками до смерти, причём голова его была так разбита, что его больше нельзя было узнать. Затем его кинули в навозную яму и набросали на него ящиков и сундуков.

Несправедливость и злобный нрав этого Назария к нам лично пришлось нам испытать ещё в наше время. Так как он очень много значил перед знатнейшими при дворе и не получил тотчас же желательные ему от нас подарки, то он сильно мешал нам в наших предприятиях.

В то время как этот грабеж происходил вне Кремля, Кремль был заперт, а на другое утро, рано, а именно 7 июля, всем немецким офицерам под секретом было сказано, чтобы они собрались и хорошо вооруженные сразу явились в Кремль: мятежная чернь всё ещё продолжала по временам подступать к Кремлю. Когда, во исполнение этого требования, немцы собрались в большом числе, то приходилось удивляться, как мятежники охотно уступали им место, любезно говоря: «Вы, честные немцы, не делаете нам зла, мы ваши друзья и вовеки не намерены совершить вам что-либо злое»

Перед тем они же раньше часто спорили с немцами и вели себя недружелюбно с ними. Кремлевские ворота были отперты, немцев впустили, и они тотчас же для охраны Кремля разместились по разным постам и стали на страже.

После этого его царское величество выслал своего двоюродного брата великого и хвального вельможу Никиту Ивановича Романова, которого народ, ради доброй его славы, очень любил; он должен был попытаться смягчить обозленные умы и восстановить спокойствие. С обнажённой головою он вышел к народу (который отнесся к нему весьма почтительно и называл его отцом своим) и трогательно изложил, как его царское величество горестно ощущает все эти бедствия, тем более что он ведь, в предыдущий день, обещал народу прилежно рассмотреть все эти дела и дать им милостивейшее удовлетворение. Он сообщил, что «его царское величество вновь велит все эти свои слова повторить и обещает всё сделать для народа и, несомненно, сдержит своё обещание; поэтому они могли бы тем временем успокоиться и хранить мир»

На это народ ответил: «Они очень довольны его царским величеством, охотно готовы успокоиться, но не раньше как его царское величество выдаст им виновников этого бедствия, а именно боярина Бориса Ивановича Морозова, Левонтия Степановича Плещеева и Петра Тихоновича Траханиотова, чтобы эти лица, на глазах у народа, понесли заслуженную кару»

Никита поблагодарил за ответ и за то, что они хранят верность его царскому величеству, и высказался в том смысле, что можно согласиться с ними и должным образом доложить о требованиях ими этих трех лиц. Он, однако, поклялся перед ними, что Морозова и Петра Тихоновича уже нет в Кремле, а что они бежали. Тогда они просили, чтобы им в таком случае немедленно выдали Плещеева. Никита затем попрощался с народом и поехал обратно в Кремль.

Из Кремля вскоре получено было известие, что его царское величество постановил немедленно выдать Плещеева и согласился на казнь его на глазах народа; если же найдутся и остальные, то пусть и с ними будет поступлено по справедливости. Приказано было доставить на место палача для казни. Народ, не мешкая, привел поспешно к воротам палача с его слугами, и они тотчас же были впущены. Тем временем народ, посоветовавшись, решил, чтобы те из него, у кого есть лошади, партиями ездили взад и вперед по дорогам вне города, дабы разыскать и доставить в город беглецов.

Палач, пробыв еле с четверть часа в Кремле, вышел обратно, ведя Плещеева. Как только взбешенный народ его завидел, он не в силах был обождать привода его на лобное место, прочтения ему приговора и имевшей уже затем последовать казни. Напротив, на него набросились и под руками у палача Плещеев был дубинками забит до смерти; голова его была превращена в кашу, так что мозг брызгал в лицо [бьющим]. Одежду его разорвали, а голое тело протащили на площади в грязь, приговаривая: «Так будет поступлено со всеми подобного рода негодьями и ворами. Бог да сохранит на многие лета во здравии его царское величество!» Потом труп бросали в грязь и наступали на него ногами. Наконец, пришел монах и отрубил остатки головы от туловища, говоря: «Это за то, что он однажды велел меня безвинного высечь»

Боярин Борис Иванович Морозов, согласно со словами Никиты, искал спасения в бегстве, но возчики и ямщики, которые заградили ему путь, увидели его и погнали его обратно; он, однако, к большому своему счастью, спасся от них, и по тайному ходу пробрался в Кремль, так что никто из преследователей не заметил его. Чтобы, однако, народ видел, что его царское величество серьезно желает захватить беглецов, царь послал князя Семена Пожарского с некоторыми людьми разыскивать Петра Тихоновича. Они и настигли его у Троицкого монастыря, в двенадцати милях от Москвы, и 8 июля доставили назад в Москву, но не в Кремль, а на Земский двор.

Как только это сообщено было его царскому величеству, тотчас же ведено было палачу повести его на рыночную площадь; ему положили деревянное полено под голову и отрубили топором голову. Это обстоятельство вновь несколько успокоило разгоряченные умы, все благодарили его царское величество за доброе правосудие, желали ему долгой жизни и требовали, чтобы с Морозовым было поступлено так же. Так как, однако, народ знал, что возчики видели Морозова на улице, но что он от них бежал, то, не зная его убежища, никто не мог требовать столь же немедленной его выдачи. Поэтому выражено было только пожелание, чтобы их требование было удовлетворено, как только он

найдется. Им и это было обещано. После этого чернь несколько успокоилась, и все стало тихо. Все эти события произошли незадолго до полудня.

Вскоре после полудня на Дмитровке, на Тверской и в разных иных местах возникли пожары. Свирепый народ, более ради воровства, чем ради спасания, поспешил сюда. Пожар был весьма жестокого свойства; он уничтожил всё, что было внутри Белой стены вплоть до реки Неглинной. Огонь перекинуло и через Неглинный мост в пределы Красной стены к большому, лучшему из кабаков великого князя, где продавалась водка. Вследствие этого весь город, в том числе и самый Кремль, оказался в сильнейшей опасности. Не было ни одного человека, который желал бы спасти или мог бы спасти, так как все были пьяным-пьяны от водки, которую они во время пожара добыли из погребов. Из бочек, которые были слишком велики для вытаскивания, они выбивали донья, зачерпали водку шляпами, шапками, сапогами и рукавицами, и напились при этом так, что улицы почернели, покрывшись лежавшими здесь пьяными, и многие, потерявшие совершенно сознание, задохлись от дыма и пара и сгорели.

Когда вечером около 11 часов несколько немцев остановились, глядя с большим страхом на стоявший в пламени великокняжеский кабак, они вдруг увидели черного монаха, стонавшего и кряхтевшего, точно он тащил за собою большой груз. Когда он подошел поближе, он громко начал кричать о помощи и сказал: «Этот страшный пожар прекратится не раньше, как будет брошено в огонь и сгорит проклятое тело безбожного Плещеева» [Как оказалось], он и притащил сюда это тело. Так как [немцы] ему не хотели оказать помощи, монах начал свирепо ругаться. Тогда подошло несколько взрослых юношей, которые помогли донести труп до пожарища и бросить его в огонь. И как только этот труп начал сгорать, тотчас же стало уменьшаться и пламя, и погасло на глазах у наблюдавших это удивительное зрелище [немцев].

Немного дней спустя его царское величество велел стрельцов, составлявших отряд его телохранителей, угостить водкою и мёдом. Точно так же и тесть великого князя, Илья Данилович Милославский, выказал любезность и доброту к знатнейшим гражданам, стал ежедневно принимать несколько человек из цехов, по очереди, к себе во двор, обходился с ними милостиво и старался приобрести расположение главарей. Патриарх также приказал попам и священникам, чтобы они смягчали возмущенный нрав народа. Его царское величество также заместил вакантные должности и места людьми умными, благочестивыми и пользовавшимися сочувствием народа.

Когда теперь увидели, что эта печальная непогода и буря в общем улеглись, и стали полагать, что всё подготовлено для мирного, улучшенного положения, его царское величество в день, когда происходит процессия, велел вызвать народ, чтобы он явился перед ним у помоста вне Кремля, причем присутствовал здесь и вельможа Никита Иванович Романов.

Его царское величество стал говорить речь. Он выразил сильное сожаление, что народ, без его ведома, испытал такие бедствия со стороны безбожных Плещеева и Тихоновича, ныне получивших заслуженное воздаяние. Он сказал далее, что ныне на их места назначены благочестивые люди, которые будут кротко и справедливо управлять народом и соблюдать пользу и благосостояние народные, находясь под бдительным его, царя, оком.

Усиленный налог на соль, по его слову, должен также быть отменен. Царь обещал также, при первой возможности, взять обратно выданные им милостивые грамоты о монополиях; кроме того, он обещал расширить и увеличить их привилегии и те льготы, какие у них были. Кроме того, он сказал, что во всем будет, как отец отечества, и царской своей милости благосклонен народу. После этого народ низко наклонил перед ним свои головы и пожелал царю долгой жизни. Затем царь продолжал: что же касается личности Бориса Ивановича Морозова, которого он также обещал им выдать, то он не желает его вовсе обелять, но, тем не менее, не может счесть его виновным во всём решительно. Он желал бы верить, что народ, у которого он ещё ни разу ничего особенного не просил, исполнить эту первую его просьбу и простить Морозову на этот раз его проступки; сам он готов быть свидетелем, что Морозов отныне выкажет им только верность, любовь и всё доброе.

Если же народу угодно, чтобы Морозов более не занимал должности государственного советника, то он сложит её с него, лишь бы ему не пришлось выдавать головою того, кто, как второй отец, его воспитал и возрастил. Он не мог бы перенести этого и надеется, что они не будут, как до сих пор, требовать от него такого поступка. Когда слезы, во свидетельство сильной любви к Морозову, показались в глазах его царского величества и как бы заключили его речь, народ посовещался и начал затем весьма громко кричать: «Бог да сохранит на многие лета во здравии его царское величество. Да будет то, чего требуют Бог да его царское величество!» После этого его царское величество столь же сильно повеселел, как он раньше печалился, когда народ требовал головы Морозова. Он благодарил народ за это решение, увещевал его быть спокойным и послушным и сказал, что сам он всегда будет верен тому, что он теперь обещал. После этого его царское величество, со своими провожатыми и с лицами, шедшими в процессии, вновь мирно вернулся в Кремль.

Немного спустя его царское величество отправился в монастырь Св. Троицы, и Морозов поехал с ним, очень низко и униженно кланяясь народу по обе стороны лошади. После этого, кто бы ни подавал прошения или просьбы его царскому величеству через Морозова, никому не было отказа, если хоть что-нибудь могло быть сделано. Достоверные свидетельства также доказывают, что он стал теперь великим покровителем и благодетелем немцев так же, как и русских.

Такой опасности в то время подверглось счастье как молодого правителя, так и подданных его ввиду того, что несправедливым и своекорыстным чиновникам дана была воля. И вот, следовательно, каков, при всем рабстве, нрав русских, когда их сильно притесняют, впрочем, об этом было сказано и выше.

Я хочу привести еще пример мятежа, бывшего во Пскове. В этом примере можно усмотреть подобные же действия своекорыстных чиновников и расสวิрепевшего престоноародья.

XLIX, Книга III, глава 17

О мятеже, возникшем во Пскове

В 1649 г. его царское величество отправил к её величеству королеве шведской Христине видное посольство, во главе которого находился окольниковый Борис Иванович Пушкин. Между другими важными делами задачей посольства было покончить с большим спором из-за подданных, бежавших через границы по обе стороны, ликвидировав претензии и обязательства из-за этого дела, по которому в течение 32 лет не было решения.

По этому поводу состоялось соглашение, что если кто перебежал в течение первых 30 лет (многие из них уже успели помереть, а другие рассеялись повсюду), то о них с обеих сторон нельзя заявлять никаких претензий, что же касается перебежчиков последних двух лет, то их следует выдать. Так как на русской стороне гораздо больше оказалось шведов, чем русских на шведской стороне, то постановлено было, чтобы его царское величество заплатил за это сумму в 190' 000 рублей, т. е. 380' 000 рейхсталеров, частью наличными деньгами, частью рожью, уплата должна была произойти следующей весной в 1650 г.

В назначенное время королевский шведский комиссар г. Иоганн де-Родес и прибыл для этой цели в Москву и получил наличными деньгами в копейках и дукатах 150' 000 рублей. Остальные 40' 000 рублей следовало добавить рожью. Для этой цели русскому купцу во Пскове Федору Омельянову от его царского величества было поручено купить это количество ржи.

Этот последний, как грубый, своекорыстный человек, распространил смысл данного ему поручения дальше, чем полагалось, и не позволил никому из народа купить хотя бы четверик ржи, за исключением разве того, что он им уступал [как бы] из дружбы и по достаточно дорогой цене. При этом он указывал, что все решительно, для уплаты долга его царского величества, должно быть послано короне шведской. Это обстоятельство сделало для псковской общины имя шведов ненавистным, народ стал устраивать частые совещания в кабаках, обвиняя бывшего посла Пушкина в измене, за то, что он такую уйму денег посулил и обещал короне шведской. Некоторые хотели заподозрить и Морозова в этом деле, так как они еще не забыли того, что два года тому назад из-за него произошло в Москве. Они предполагали, что все это произошло без ведома его царского величества.

Они сообщили обо всем этом и жителям Великого Новгорода и стали подстрекать наиболее видных из них к мятежу, так что у воеводы в этом городе было много хлопот с тем, чтобы удержать таких людей от этого их злого умысла. Они решили также не пропускать денег, когда их повезут из страны. Они никак не хотели допустить, чтобы закупалась рожь для уплаты шведам, ввиду того, что эта закупка вызвала бы у них вздорожание хлеба. Поэтому ими были в качестве ходяков посланы в Москву три лица: купец, казак и стрелец; они должны были узнать, известно ли его царскому величеству о происходящем.

В то же время они, сообразно с решением своим, направились к дому Омельянова, насильно ворвались к нему и, так как сам он бежал, они схватили его жену и стали её пытаться, чтобы она сказала, где её муж хранит деньги. Они все здесь забрали и ограбили дом, и сам Омельянов, без сомнения, если бы они его схватили, не вышел бы живой из их рук.

Самого воеводу, который хотел показать по отношению к ним свой авторитет и имеющуюся у него власть, они выгнали из города, потом созвали всех живших вокруг Пскова дворян в город и заставили их под присягою действовать с ними заодно.

Когда три почетных ходока псковских прибыли в Новгород, через который им нужно было идти, воевода велел их заключить в ножные кандалы и в таком виде прислал их к великому князю. Бежавший Федор Омельянов, равно как и воевода, принесли в Москву известие о случившемся. Вслед за тем пришел ещё гонец с сообщением, что они отняли у выдающегося шведского купца из Нарвы, по имени Левина [Логина] Нумменса, несколько тысяч рейхсталеров, били его, качали, посадили на несколько поставленных друг на друга бродильных чанов, ругались над ним и совершали с ним всякие выходки. Вследствие этого его царское величество послал сюда знатного господина и боярина для расследования дела и успокоения народа. Они, однако, сначала не хотели впустить его, заперли городские ворота и избрали из своей среды себе начальника. Наконец, они всё же впустили воеводу и боярина, но воеводу немедленно посадили в тюрьму, а на боярина, который стал им говорить суровые речи от имени его царского величества, напали и ужаснейшим образом избили его. Когда он захотел спрятаться в близлежащий монастырь, они выбили двери, вытащили его и так обошлись с ним, что долгое время можно было сомневаться, останется ли он жив.

Чтобы, однако, тем временем, не оказалось недостачи в уплате долга, по которому было соглашение, означенные 40' 000 рублей были выплачены также наличными деньгами, а не рожью. Шведского комиссара с деньгами, под сильным конвоем из стрельцов, доставили, через русскую границу, на шведскую почву.

Против восставших псковичей его царское величество принял строгие меры, назначил князя [Ивана] Никитовича Хованского полководцем, дал ему большое число конных детей боярских в помощь и отослал их. К ним присоединились ещё два полковника: Мунга-Кормихель и Гамильтон, стоявшие у Онеги близ шведской границы, с 4' 000 пехотинцев. Все они должны были в тишине собраться в путь ко Пскову.

Когда псковичи увидели, что дело серьезно, они пали духом; сначала они пробовали сопротивляться, но затем сдались на милость его царского величества, признали свою вину и просили снисхождения. Зачинщиков частью казнили, частью сослали в Сибирь. Так усмирен был и этот опасный мятеж.